

РОМАН, НАПИСАННЫЙ ЧЕРНИЛАМИ ОСЬМИНОГА

СТЕФАНИЯ ДАНИЛОВА
Петербургская поэтесса
и критик. Основатель продю-
серского центра «Все-
поэзии» и одноименного
международного фестиваля.
Лауреат Молодежной премии
правительства Санкт-
Петербурга.

К этой рецензии ваша покорная слуга подступалась небыстро. Не как цунами, о котором идет речь в «Осьминоге», а как осторожно пробующая сушу еще светлая волна, в которой нет ничего угрожающего. Бестселлер Анаит Григорян — из тех книг, что, уместившись после прочтения в память, долго отлеживаются там. Происходит процесс смакования, формирования глубокого неизгладимого впечатления. В английском языке есть аналог последней метафоры: *leave a tremendous impression*. Оно здесь релевантно. В японском тоже есть нечто подобное: «низнай инсе:» (消えない印象) — буквально «неугасающее впечатление», что-то вроде постоянно теплящегося пламени.

Главный герой... хотя стоп. Стоп! Не все так просто. Человек, вокруг которого разворачивается сюжет, — наш, из России, по имени Александр, или, на местный манер, Арэнусандору-сан, ведь в японском языке отсутствует звук «л». После истечения срока контракта его вежливо просят из банка, где он работал, и у него есть пара недель, чтобы оттянуться в Японии и уехать в Россию. Александр выбирает отправиться на провинциальный остров Химанадзима, и там с ним начинается происходить что-то странное.

Книга выстроена таким образом, что читатель постоянно пребывает в высоковольтном напряжении, словно в ожидании Годо, только в ожидании осьминога. Причем обязательно фэнтезийного. Сказочного. Легендарного. Не знаю, как это удалось Анаит Григорян, но предвосхищение мистической прозы так и мерцает в романе из каждой строки. Хотя роман максимально реалистичен и бытописателен. Офисные работники, забегаловки с едой, пьяные девицы за барной стойкой, съемное жилье. А это что? А, это молельня древнего божества Хатимана. Но она тоже — часть обычной жизни. Есть же у нас церкви и часовни. Правда, мы помним

особое отношение японцев к духовной жизни, для них это не просто ритуал «для галочки».

Всю книгу напролет я ждала появления Осьминога. Но он не являлся и не являлся. Вот он промелькнул: в стеклянном аквариуме, ждущий своей безвременной кончины в местном ресторанчике «Тано», название которого также переводится как «осьминог». Его выкупили и отпустили. Где же его огромные щупальца до небес, способные сжать земной шарик и раздавить? Я ждала, что реализм возьмет верх и превратится в откровенный легендарий, мистику, сказку. Так оно и случилось, но спустя месяц после прочтения мною книги. Блестящая писательская и этнографическая работа Анаит Григорян выполнена тонко, изящно, подобно каллиграфическому написанию иероглифов чернилами осьминога. «Вау-эффект» с оттяжкой. Ретардантный, если изъясниться терминологически.

Все на Химакадзиме завязано вокруг осьминога: его там едят, ему молятся, его боятся, о нем ходят слухи и легенды. Но иногда бывает так, что смысл неочевиден. Он выявится, если расфокусировать взгляд и посмотреть немного в другую сторону. Он настолько на поверхности, что как бы и не спрятан вовсе. И именно в нем — настоящая власть и неподдельный ужас. Хоть и скрыт он за поддерживающими словами, приятной улыбкой и услужливостью... каной-то слишком милой для того, чтобы быть просто типично японской. Ведь предельно вежливы и корректны все японцы. Ну или почти все. Но... этикет и предугадывание малейших всплывших в голове желаний — это кардинально, полярно разные истории.

Я осеклась, начав говорить о главном герое. Роман выстроен так, что Александр на самом деле — обманка. В центре внимания, безусловно, он, но серый кардинал осьминожьего пиршества на Химакадзиме — совсем другой человек. Влюбленная в Александра арендодательница Изуми-сан, трагически потерявшая мужа? Холодно. Персонаж прекрасный, выписанный подетально, ей хочется написать в мессенджер и приободрить, и как же радуешься, когда у них с Александром закручивается романтическая интрига! Хм, а может, это Такизава-сан, не в меру щедрый, в прямом смысле слова разбрасывающийся айфонами в подарок симпатичным девушкам — но не с целью задрать их, а как раз по принципу «чем бы дитя ни тешилось, лишь бы на меня не вешалось, потому что я безумно люблю свою Ерино»? Чуть теплее, но все еще холодно, — это, конечно, весьма колоритный герой, которому легко симпатизировать, с такими хочется дружить и работать, он по-своему выдающийся, но, но, но...

...А кто это стоит за барной стойкой и смешивает коктейли? Представителей этой профессии в мире — с миллиард, если не больше. Его волосы выкрашены в модный рыжий, сам он — типичный японец, никаких отличительных черт. Но откуда же он словно знает подноготную всех остальных? О чем болит душа у этого героя, что скрывает героиня? О чем вы думаете? Чего вы хотите? Откуда-то ему известно и прошлое, и будущее. По мере того как читатель погружается в историю официанта Кисе Наматы, он упорно пытается убедить себя в том, что перед нами — просто очень эмпатичный человек, просто очень внимательный, просто разбирающийся в людях, просто, быть может, он скрывает то, что учился на психолога (нет), просто...

А вот ничего простого в этом персонаже нет. Если взглянуть повнимательней, можно увидеть то, о чем лучше вообще никогда не знать. Уголовник? Тайный агент? Черный маг? Киберпреступник? Экстрасенс?.. Я попыталась наметнуть вам на правду, не выдав ее и постаравшись

ни в чем не солгать, но настоящую роль Нисе называть ни в коем случае нельзя. «Тот, Ного Нельзя Называть» из другого легендарiums сразу приходит на ум. И не просто так. И здесь великая заковыка ожидает господ рецензентов, потому что сорвать покров тайны с персонажа Нисе означает проспойлерить весь роман и заведомо убить в читателе тот вау-эффект, ради которого он откроет эту книгу и будет там пить с Арэнусандору-саном виски, попадет в шторм, разрушающий остров, узнает множество чужих трагедий и загадок...

Эта книга словно написана одновременно двумя стилями письма: хираганой и катананой (это две слоговые азбуки японского языка). Сначала мы думаем, что книга про такого-то героя и про такой-то сюжет, и все довольно просто, но, лишь освоив ее до конца, пройдя свою «личную Химанадзиму» (надо же, почти как «Хиросиму» звучит!) от берега до берега, мы понимаем, что подлинный смысл все это время ускользал от нас, как осьминог, сбегающий из разбитой глиняной ловушки в нахмурившееся море, готовое выругаться по-японски самым мощным цунами за всю историю человечества...

Что же, знаменитому прозаину Анаит Григорян вновь удалось совершить невозможное. Многие книги подобны ярким вспышкам, которые мы видим во время чтения, и искры этого безумного салюта опадают лепестками с черного неба вниз, и мы потом не вспоминаем, что был такой яркий свет. А книга «Осьминог» похожа на приглушенный свет лампы, чья мощь выкручивается на полную, когда вещь прочтена некоторое время назад, — и вдруг как взрывается тысячами киловатт озарений, и ты ничего не можешь с этим поделаться.

Искренне рекомендую «Осьминога» всем тем, кто мечтает познакомиться с японской прозой, написанной не японкой, но как будто бы японкой. Так, что удивляешься, почему у Анаит Григорян армянское имя и пишет она на русском языке. Всем тем, кто зачитал до дыр Харуни Муранами и уже подустал от его прекрасных, но однотипных заворотов сюжета. Всем тем, кому новая японская проза типа Саяна Мурата «Человек-комбини» показалась внушной, но несколько поверхностной. Тем, кто удивлялся в литературе столько раз, что практически приобрел иммунитет к этому бесполезному, но очаровательному навыку.

